113 01 all
74
-4-

ОТЧЕТЪ

ЖУРНАЛА МАЯКЪ

Современнаго Просвѣщенія,

Искусства

и

образованности,

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ.

(Напечатанъ въ Сентябрской Книжкѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1844.

Въ Типографіи Морскаго Кадетскаго Корпуса.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представить въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 2 Сентября, 1844 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*
Цензоръ *А. Очкинъ.*

ОТЧЕТЪ

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ.

Пять лѣтъ существуетъ Маякъ, слѣдуя постоянно пути однажды избранному, стремясь неуклонно къ цѣли однажды предположенной, держась только тѣхъ средствъ, которыя сообразны данной цѣли. Спрашивается, что онъ сдѣлалъ въ теченіе 5 лѣтъ?-хорошо ли дѣлалъ?-какую пользу и удовольствіе принесъ своимъ читателямъ?-не требуются ли съ его стороны какія либо измѣненія, улучшенія? Все это буду имѣть честь разсмотрѣть и представить въ семъ Отчетѣ. Даю слово быть искреннимъ и сознательнымъ въ недостаткахъ: надѣюсь, и читатели не откажутся быть признательными къ достоинствамъ *Маяка, если они найдутся въ немъ.*

Отчетъ раздѣлится на *три* части: 1. *Философская* часть отчета представитъ основы, законы и внутреннее построеніе журнала. 2. *Историческая*—покажетъ, что̀ онъ дѣлалъ и что̀ съ нимъ дѣлали. 3. *Защитительная*—очиститъ обвиненія и возраженія противъ него дѣлаемыя.

1. *Философская* часть отчета.

Съ первою книжкою на будущій 1845 годъ, читатели получатъ Указатель статей, напечатанныхъ въ теченіе пяти лѣтъ въ Маякѣ, и азбучный списокъ именъ Писателей, участвовавшихъ въ его составленіи, съ показаніемъ статей каждаго. Оттуда читатели увидятъ: *во-первыхъ*, что Маякъ не есть сочиненіе одного издателя, а собраніе трудовъ многочисленныхъ Русскихъ Писателей, которыхъ просвѣщеніе и заслуги на лицѣ, и которые раздѣляютъ основныя положенія Журнала, относительно *пути, цѣли* и *средствъ* его; такъ что, отдавая, гдѣ это понадобится, должныя похвалы предлежащимъ трудамъ сотрудниковъ, издатель ни мало не подвергнется нарѣканію въ самохвальствѣ. Во *вторыхъ*, изъ тогоже Указателя, читатели увидятъ, какъ много и весьма много умнаго и прекраснаго помѣщено въ Маякѣ въ те-

ченіе пяти лѣтъ. И что всего замѣчательнѣе, все тамъ напечатанное, не есть случайный сборъ чего нибудь, что подъ руку попалось; все это — необходимыя части одного цѣлаго, такъ что всѣ статьи составляютъ одну неразрывную цѣпь, и каждая послѣдующая статья, есть продолженіе, дополненіе, поясненіе или дальнѣйшее развитіе предшедшихъ статей; и весь Маякъ есть одно довольно стройное цѣлое, всегда само себѣ равное, ни гдѣ само себѣ не противорѣчащее, никогда и ничего не предлагавшее голословно, безъ твердыхъ основаній, безъ достаточныхъ доводовъ; а это потому, что при самомъ открытіи Журнала, были ясно и подробно развернуты, для желающихъ трудиться,- цѣль, путь, средства, основные законы общихъ трудовъ, духъ и направленіе; и на этотъ вызовъ откликнулось уже столько разумныхъ и просвѣщенныхъ Русскихъ умовъ! Уже по одному этому видно, что Маякъ не есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ; что онъ именно представитель и выраженіе чувствованій и мыслей весьма *многихъ*,-иначе, какъ бы Журналъ могъ просуществовать пять лѣтъ съ ряду, безъ малѣйшей остановки, уклоненія или паденія, какія постигли многихъ изъ его сотоварищей, по видимому, болѣе угодныхъ желанію и вкусу большинства.

Этотъ выводъ, говорю, сами читатели извлекутъ изъ одного обзора Указателя. То же самое, надѣюсь, подтвердится и внутреннею частью отчета, къ которой теперь приступаю.

— « Просвѣщеніе! » — « Искусство! » — « Образованность! »

Сколько разъ эти слова служили поводомъ для насмѣшекъ и укоризнъ Маяку! — « Вотъ, вздумалъ насъ просвѣщать, образовывать! » — « одинъ всѣхъ умнѣе! » — « одинъ хочетъ всѣхъ учить! » — « Безъ него, видите, мы сидѣли во тмѣ и ни чего не знали! » ... и много подобнаго говорили тѣ, которые ни когда ни чего не читали въ Маякѣ, кромѣ заглавнаго листа его.

Стоитъ только вникнуть въ глубокое значеніе мудрой Русской пословицы: *вѣкъ живи, вѣкъ учись*, чтобы убѣдиться, что каждый человѣкъ, и умный и не умный и знающій и не знающій, въ свою очередь бываетъ, въ продолженіе жизни своей, и ученикомъ и учителемъ; что,

собственно говоря, всѣ мы просвѣщаемся и образуемся, не столько въ школахъ, сколько въ жизни, и непремѣнно—взаимнымъ обученіемъ другъ друга, въ ежедневныхъ бесѣдахъ и сношеніяхъ, которыхъ вся занимательность и прелесть именно въ томъ и заключается, что каждый сообщаетъ другимъ нѣчто новое, еще не извѣстное,–*преподаетъ*, *учитъ* чему либо, будетъ ли то нѣчто высочайшее, или нѣчто пустѣйшее. Кто заговоритъ о томъ, что уже всѣмъ извѣстно, тотъ убиваетъ прелесть бесѣды, наноситъ скуку, его не слушаютъ. Да; истина несомнѣнная, всеобщая: всѣ мы, въ свою очередь, бываемъ,–и словомъ и дѣломъ,–и учениками и учителями другъ друга, и вся наша жизнь, есть министерство (служеніе) народнаго просвѣщенія, состоящее подъ непосредственнымъ управленіемъ Промысла Божія; а какъ всякой журналъ есть именно бесѣда многихъ людей, изъ коихъ каждый нѣчто изучилъ, нѣчто знаетъ, нѣчто имѣетъ сообщить своимъ собесѣдникамъ, то стало быть всякой журналъ, много или мало, прямо или криво, содѣйствуетъ просвѣщенію, образованности, искуству читателей: что же предосудительнаго, если Маякъ прямо, безусловно и исключительно избралъ своею задачею именно это самое? Ему стоило только пригласить въ свою бесѣду именно такихъ людей, изъ которыхъ каждый способенъ чѣмъ либо содѣйствовать избранной цѣли: *каждая пчела по каплѣ меду — и выйдетъ цѣлый сотъ*. Такъ строится и добро и зло народовъ, обществъ и семействъ.

Если же это дѣло такъ важно, и такъ удобо-исполнимо, то не откажите, со всѣмъ вниманіемъ, снисходительно вникнуть въ тѣсную связь и значеніе словъ: *просвѣщеніе*, *искусство*, *образованность*. Постараюсь изложить это какъ можно проще и короче, безъ всякихъ философскихъ разысканій, въ нѣсколькихъ основныхъ мысляхъ

Что́ у первичныхъ народовъ Востока, Египтянъ, Гэтрусковъ, Персовъ, Индѣйцевъ, особливо Евреевъ, называлось *Мудростью*, то у народовъ вторичныхъ, Грековъ Римлянъ, Славянъ и Аравитянъ, называлось *Философіею*, то же самое у насъ теперь называется *Просвѣщеніемъ*. Вещь одна и таже—имя разное; и составъ вещи разный:

Мудрость первичныхъ народовъ непремѣнно основы-

валась на добродѣтели мудрыхъ, и потомъ уже вела ихъ къ познанію всего.

Философія вторичныхъ народовъ, — добродѣтель въ сторону, и занималась однимъ познаніемъ; говорила обо всемъ, даже и о добродѣтели, но не обязывалась уже исполнять ее; а предоставляла на произволящаго.

Просвѣщеніе у третичныхъ народовъ, часто не только уже не обязывается добродѣтелью мудрыхъ, но даже не обязывается и *всезнаніемъ* философовъ, а ограничивается лишь кое-какимъ знаніемъ, кое-чего, потребнаго для домашняго обихода въ извѣстномъ кругѣ жизни.

Ясно, что философія была *хуже* мудрости; а просвѣщеніе третичныхъ народовъ — хуже самой философіи. Нельзя не позаботиться о средствахъ поправить дѣло. Это очень легко: — надобно только не раздѣлять, а соединить Просвѣщеніе души, съ ея Образованностью и Искуствомъ.

И такъ, пусть ПРОСВѢЩЕНІЕ учитъ *различать истину* отъ *лжи* во всемъ, отъ умозрѣній богословскихъ, до теоріи свеклосахарнаго дѣла.

Пусть Образованность влагаетъ навыкъ *различать правду* отъ *неправды*, и осуществлять правду дѣлами и поступками, въ отношеніи къ Богу и къ ближнимъ.

Пусть Искусство водворяетъ въ душѣ истинный *вкусъ*, который *различаетъ* прекрасное отъ уродливаго, чистое отъ нечистаго, истинныя удовольствія и наслажденія отъ обманчивыхъ и пагубныхъ.

Изъ Истины, Правды и Чистоты (красоты) слагается *Добро*—и счастье. Потому - то добро всегда истинно, праведно, прекрасно.

Изъ Лжи, Неправды и Нечистоты слагается *Зло* и — несчастье. Потому-то зло всегда лживо, неправедно, гнусно.

Просвѣщеніе, Искуство и Образованность, вмѣстѣ взятыя, влагаютъ въ человѣка способность и навыкъ разпознавать *Добро* и *Зло*, любить и осуществлять, и словомъ и дѣломъ, одно Добро, и чрезъ то быть *счастливымъ*, даже посреди самыхъ золъ.

На оберткѣ каждой книжки Маяка вы читаете:

«*Маякъ постоянно занимается разработкою трехъ*

важнѣйшихъ вопросовъ жизни человѣческой, именно: что такое ПРОСВѢЩЕНІЕ, ОБРАЗОВАННОСТЬ, ИСКУССТВО?

Не ясно ли, что Маякъ избралъ своею задачею именно то самое, что только можетъ быть важнѣйшаго, драгоцѣннаго, любезнаго, необходимѣйшаго для всѣхъ и каждаго — его добро и счастье.

Всѣ статьи, составляющія пятилѣтнее содержаніе Маяка, направлены къ рѣшенію этой задачи: *Стихи, Повѣсти, Науки, Матеріялы* для наукъ, *Критика и Смѣсь* постоянно, единодушно, неуклонно стремились и будутъ, до конца существованія Маяка, стремиться къ той же цѣли, — самымъ дѣломъ усвоивать читателю рѣшеніе задачи добра и счастья, т. е. истиннаго *Просвѣщенія, Образованности* и *Искусства*, задачи необъятной, которую и вся вѣчность не исчерпаетъ.

— « Если же Маякъ имѣетъ такую обще-благодѣтельную цѣль, и воображаетъ себѣ, будто онъ въ теченіе пяти лѣтъ, и въ самой вещи успѣлъ уже нѣчто сдѣлать, то отъ чего же, какъ ежемѣсячно почти свидѣтельствуютъ другіе журналы и газеты, и какъ оно и въ самомъ дѣлѣ есть, — *Маяка нигдѣ не видать,—ни гдѣ не слыхать,—ни кто* его *не читаетъ,—это какой то журналъ* НЕВИДИМКА, *журналъ*-МИѲЪ, *смѣшной*, ПОШЛЫЙ, *отсталый отъ вѣка*? »

— Дѣйствительно, нѣкоторые журналы и газеты такъ говорили и говорятъ; и еслибъ эти журналы и газеты издавалися существами безгрѣшными, просвѣтленными, тогда и слова нѣтъ; а какъ это пишутъ люди, способные заблуждаться, то — «*не всякому слову вѣрь, а самъ все перевѣрь.*»

Если бъ журнала никто не читалъ, то онъ бы и не существовалъ, — дѣло ясное. Но онъ существуетъ, и постоянно въ одномъ видѣ, значитъ есть люди, которые,-понимая свое добро, свою пользу, счастье и истинное наслажденіе, — желаютъ его, требуютъ его, поддерживаютъ своимъ живымъ участіемъ и одобрѣніемъ. Издатель былъ такъ счастливъ, что получилъ болѣе 300 писемъ, отъ особъ всякихъ званій и состояній; и эти письма исполнены вещей самыхъ утѣшительныхъ, отрадныхъ, одушевляющихъ его и сотрудниковъ на постоянный трудъ.

Сами прочитайте весь Маякъ, спокойно, внимательно,

—идетъ ли онъ къ своей великой цѣли, или удаляется отъ нея? а не читавши, ни чего не зная, — не судите съ голоса другихъ, которые потому, быть можетъ, порицаютъ Маякъ, что его ученіе во всемъ противоположно ихъ ученію; а это еще не великая бѣда для него! Но на это не мѣшаетъ всѣмъ обратить побольше вниманія, и я усердно прошу читателей остановиться на той Исторической истинѣ, что родъ человѣческій искони дѣлится на двѣ доли: одна пребываетъ въ истинѣ, другая во лжи, одна стремится къ добру, другая ко злу: одна награждается неотъемлемымъ счастіемъ посреди самыхъ несчастій, а другая посреди всѣхъ мнимыхъ благъ своихъ, — заносится, страдаетъ и мучится. Вражда и борьба между ими — дѣло историческое, искони и доселѣ существующее.

Ни мы, ни вы, ни они, собственно говоря, не судьи въ своемъ дѣлѣ. Отъ чего Маяка *ни гдѣ не видать*, *отъ чего онъ лживъ*, хотя бы этого не слѣдовало, если онъ точно таковъ, какимъ выдаютъ его? — этотъ вопросъ рѣшитъ въ свое время вполнѣ Исторія Литературы: она взвѣситъ писавшихъ и читавшихъ, приведетъ на видъ господствовавшіе предразсудки вѣка, заблужденія, ложныя правила, превратный вкусъ, вкрадывавшіеся мало по малу разными путями: поэзіей и прозой, философіей и жизнію, наукой и искуствомъ, и образовавшіе *ложный духъ времени*; противопоставитъ ему *истинный духъ времени*, сравнитъ ихъ между собою, и выведетъ яснѣе дня, отъ чего извѣстной долѣ современниковъ, даннаго періода, черное казалось бѣлымъ, ложное — истиннымъ; и наоборотъ, благодѣтельное — *вреднымъ*, истинное — *смѣшнымъ*, дѣльное — *пошлымъ*.

Если же Всемірная Исторія, въ каждомъ народѣ, въ каждую эпоху представляетъ намъ ожесточенную борьбу духа лжи съ духомъ истины, и раздѣленіе людей на двѣ доли: на созидающихъ свое и общее *добро*, и на подрывающихъ его и созидающихъ свое и общее *зло*, которое всегда на нихъ же и обрушивается; то каждый разсудительный человѣкъ, искренно желающій, хотя одному себѣ, добра, встрѣтя, напримѣръ, хоть два журнала, которые постоянно и упорно преслѣдуютъ два противоположные пути, всегдаи во всемъ, — долженъ прежде всего спро-

сить самъ себя: « да полно, не борьба ли это истины и лжи? » — ибо истина сама на себя никогда не раздѣляется и самой себѣ не враждуетъ. Если же ни на той ни на другой сторонѣ нѣтъ истины, значитъ, обѣ — ложь: ибо ложь и сама на себя дѣлится и самой себѣ враждуетъ, по причинѣ слѣпоты своей; и тогда, самое лучшее: — оставить обѣ лживыя стороны въ покоѣ! чтобы не прислушиваться, не увлекаться ихъ софизмами, которые весьма искусно и нарядно умѣютъ поддѣлываться подъ истину, нося подъ радужною одеждой — тму кромежную.

Если же вы предпочли, по какому либо уваженію или случаю, одну сторону, то какъ человѣкъ *просвѣщенный*, для предосторожности и правды, обязаны выслушивать и противоположную ей, и выслушивать съ такимъ же вниманіемъ, съ такою же любовію, также безпристрастно, какъ и первую: ибо если въ первой ложь — то васъ же она обманетъ, и вамъ же повредитъ; если на другой сторонѣ истина, — то васъ же она просвѣтитъ, вамъ же принесетъ *добро*. Самый плохой юристъ, считаетъ обязанностью выслушивать обѣ стороны безпристрастно; а правосудіе—всеобщій законъ для всего человѣчества, стало быть и для васъ.

Впрочемъ, вы и сами безъ труда можете узнать, напримѣръ, которое, изъ двухъ противоположныхъ мнѣній, ученій, (даже и журналовъ), пребываетъ въ истинѣ, и которое во лжи. Это очень легко:

Есть три всеобщіе пробные камня истины, на которыхъ не устоитъ ни какая разукрашенная ложь. Это: простой здравый смыслъ (логика), Всемірная Исторія (опытъ), и Слово Божіе (откровеніе), вмѣстѣ сближенныя.

Если кто нибудь, доказывая какую либо мысль, вопервыхъ, излагаетъ ее строго-логически, просто, ясно, сообразно съ здравымъ смысломъ; во вторыхъ указываетъ всеобщность этой истины во Всемірной Исторіи, и, въ третьихъ, подтверждаетъ ее же Словомъ Божіимъ; то, какъ умъ и логика — отъ Бога, событія Исторіи всегда руководятся Промысломъ Божіимъ, и то же — отъ Бога, да и слово Божіе — отъ Бога, а Богъ есть Истина, стало быть, когда предложеніе утверждается на *логикѣ* (теоріи), на *опытѣ* и на *Откровеніи*, то оно—Истина. Для при-

мѣра возьмемъ самую простую мысль: *въ человѣческомъ обществѣ всегда есть люди, которые ненавидятъ* добро,–*любятъ* зло, и *стараются наносить и усвоивать его другимъ.*

Провѣримъ эту мысль на трехъ пробныхъ камняхъ.

Здравый умъ понимаетъ, что если человѣкъ любитъ Ложь, дѣлаетъ Неправду, утопаетъ въ Нечистотѣ, то онъ любитъ и дѣлаетъ *зло.*

Исторія подтверждаетъ это тысячами примѣровъ злыхъ людей, всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Откровеніе, не только подтверждаетъ эту мысль, но и возводитъ ее до степени достовѣрной истины, и показываетъ, отъ чего эта любовь ко злу происходитъ въ людяхъ.

И такъ, вотъ безошибочный тройственный пробный камень (критерій) для повѣрки всякихъ мыслей, и для различенія истинныхъ отъ ложныхъ мыслей какого либо ученія, системы, хотя бы даже и журнала.

И ежели, напримѣръ, въ одномъ журналѣ всякая мысль повѣряется и утверждается на *логикѣ* (теоріи), на *опытѣ* и на *Откровеніи*, значитъ, онъ пребываетъ въ Истинѣ. Держитесь такого, и внимайте ему довѣренно.

Если другой, напримѣръ, журналъ, во всемъ противоположный первому, безпрестанно противорѣчитъ самому себѣ, нарушая законы логики софизмами; если его выводы противны опыту Исторіи, или опираются только на ея частные случаи, натянутые умышленно, или противны Слову Божію, то тутъ ужъ нечего искать истины, какъ бы разглагольствіе его ни было громозвучно, увлекательно или потворно любимымъ нашимъ ложнымъ привычкамъ и страстямъ.

Но отличительное свойство Маяка именно въ томъ и состоитъ, что онъ ничего не предлагаетъ не доказывая; а и доказывая что либо, на каждомъ шагу опирается на здравую *Теорію* (логику), на *Опытъ* и на *Откровеніе.* Послѣдній изъ этихъ пробныхъ камней истины, Откровеніе, имѣетъ то великое преимущество, что если какая нибудь мысль противна слову Божію, то на повѣркѣ она ужъ непремѣнно окажется противною и здравой Логикѣ ума, и противною опыту Исторіи, т. е. окажется софизмомъ. По этому Маякъ, въ обыкновенныхъ случаяхъ, представляетъ повѣрку своихъ мыслей однимъ только Откровеніемъ, въ несомнѣнной увѣренности, что согласное съ словомъ Бо-

жіимъ, — согласно и съ логикой и съ опытомъ, крѣпко, несокрушимо! Многіе не зная этой причины, и встрѣчая въ Маякѣ частое употребленіе мѣстъ св. Писанія, обвиняютъ Маякъ въ какомъ-то ханжествѣ или проповѣдничествѣ, — и судятъ совершенно несправедливо.

Посмотрите, какъ оно удобно. Положимъ, рѣчь идетъ о томъ, что *всѣ люди способны заблуждаться.*

Маякъ прямо беретъ изъ *Откровенія* мѣсто: *всякъ человѣкъ ложь* — всякой человѣкъ лживъ; т. е. не только имѣетъ въ себѣ ложь, но и любитъ свою ложь. Этого и довольно. Ибо:

Логика съ своей стороны подтверждаетъ, что если бы умъ человѣческій не былъ падокъ до заблужденій, то въ ней бы не было и самаго слова *софизмъ*; а теперь, все искуство Логики только и занимается, что разоблаченіемъ человѣческихъ софизмовъ.

Исторія съ своей стороны только и дѣлаетъ, что представляетъ безпрестанныя заблужденія человѣческія, — и ужасныя, плачевныя послѣдствія оныхъ.

Согласитесь, что вмѣсто всего этого, достаточно и одного свидѣтельства слова Божія. Прочно, крѣпко, ясно, коротко! Вы не вѣрите въ Откровеніе?—тѣмъ хуже для васъ! а оно всегда вѣрно, и согласно съ *теоріей* Логики ума, и съ *опытомъ* Исторіи; и въ тройственномъ союзѣ съ ними Оно столько же несокрушимо, какъ и само по себѣ. Но болѣе объ этомъ здѣсь не мѣсто: рѣчь о средствахъ, принятыхъ Маякомъ для пребыванія своего въ истинѣ, и о томъ, какъ этими средствами онъ вѣрно достигаетъ цѣли.

Для большаго упорядоченія своихъ работъ, и для прочнѣйшаго обезпеченія своего пребыванія въ истинѣ, Маякъ, все предлежащее его изученію, распредѣляетъ еще на *четыре* разряда: 1. *Свѣденія.* 2. *Знанія.* 3. *Науки.* 4. *Философія*, Всезнаніе, *Мудрость.* Это,-четыре постепенные возраста Ума и его постепенныя дѣла, подробно объясненные во многихъ мѣстахъ журнала, особливо въ «Очеркѣ Психологіи» (1841, Ч. XX. гл. 2. стр. 88 — 91).

Наконецъ, при изученіи чего бы то ни было изъ этихъ *четырехъ* разрядовъ вещей и дѣлъ ума, Маякъ принимаетъ еще въ соображеніе стройность *десяти сти-*

хій каждой вещи; вотъ онѣ: 1. *Причина*. 2. *Законъ*: 3. *Средство* 4. *Сущность* (составъ). 5. *Цѣль*. 6. *Ходъ дѣла* (процессъ). 7. Самое *Дѣло* или вещь. 8. Ея *отношенія*, свойства. 9. *Примѣненія*. 10. *Сводъ* всего этого или построеніе *Цѣлаго*. (См. тамъ же стр. 83 — 84).

Вотъ въ кратцѣ *философская* часть Отчета о внутреннемъ построеніи и порядкѣ работъ Маяка, достаточно обезпечивающихъ истинность и прочность его изысканій по дѣлу человѣческаго *Просвѣщенія, Искуства и Образованности*, въ видахъ различенія *Добра* и *Зла*, и усвоенія *Добра*, въ объемѣ и формѣ стихій *Русской Народности*, чрезъ тройственную повѣрку всего *теоріей*-Логикой, *опытомъ*-Исторіей и *свѣтомъ*-Откровеніемъ, безъ котораго Логика — мрачна и слѣпа, Исторія — нѣма и мертва, и вся жизнь человѣка: Ложь, Неправда, не-Чистота, — *Зло*: безотрадное страданіе и погибель!

Напрасно же Маякъ обвиняютъ въ *односторонности*: онъ-то и есть разностороненъ, и по содержанію, и по своему всестороннему обозрѣнію вещей. Пусть же противники Маяка напередъ представятъ, въ построеніи своихъ Журналовъ или сочиненій, нѣчто лучшее и совершеннѣйшее! Пусть, такимъ образомъ, напередъ разрушатъ крѣпость и прочность этого построенія Маяка, естественно вытекающаго изъ Природы человѣка, — и тогда уже законно могутъ порицать и частности журнала, къ которымъ и приступаемъ.

II. Историческая часть отчета.

Не говорю о всѣхъ частностяхъ журнала, чтобы ужъ въ немъ во все не было ошибокъ, обмолвокъ, недостатковъ,— возможно ли это въ дѣлѣ рукъ человѣческихъ? Но основанія Маяка, его главные выводы, его способы построенія, вѣрны, истинны; ибо въ теченіе пяти лѣтъ, при всестороннемъ развитіи и многоразличныхъ повѣркахъ и примѣненіяхъ, они оказались чисты отъ противорѣчій самимъ себѣ, и выдерживаютъ строгую тройственную пробу, и никто изъ противниковъ его, въ теченіе пяти лѣтъ, ни разу не показалъ еще его ошибокъ, хотя многіе голословно укоряли его въ такихъ мысляхъ, которыхъ онъ и самъ не признаетъ навязывали ему ложныя мнѣнія, которыя онъ первый отвергаетъ; искажали его мысли выпускомъ и вставкою

словъ; даже отъ его имени публиковали такія вещи, каковы, напримѣръ, знаменитые *Маякъ* съ *Сыномъ* и *Сынъ* съ *Маякомъ*. За чѣмъ бы имъ прибѣгать къ поддѣльнымъ оружіямъ, еслибъ они могли прямо на чистоту разгромить его собственными его ошибками и недостатками.

Но какъ мы, читатели, вообще таки охотники до перваго готоваго мнѣнія, и не всегда любимъ утруждать свою голову обслѣдованіемъ истины или ложности разсѣваемыхъ слуховъ; то прочтя въ газетѣ или журналѣ забавныя ихъ выходки на своихъ противниковъ,—мы улыбнемся, посмѣемся, и преспокойно говоримъ: «отдѣлали его! чудесно!... Какой же, и въ самой вещи, онъ пошлый, смѣшной!»

Маякъ вышелъ послѣ другихъ журналовъ, которымъ уже привыкли вѣрить; онъ пошелъ по пути противному другимъ, котораго эти другіе не сочли за должное держаться,—что же мудренаго, если тѣ стали порицать этого?—и что-же мудренаго, если многіе, привыкши вѣрить тѣмъ, положились на слово — и не прочтя самаго Маяка, оттолкнули его отъ себя готовымъ предъубѣжденіемъ? Но *многіе*, не значитъ еще *всѣ*,—доказательство тому существованіе Маяка: еслибъ его не читали, то ему бы, повторяю, не на что было существовать; а онъ уже почти пять лѣтъ просуществовалъ. Если же и точно справедливо, что онъ не пользуется громкою современною знаменитостью, то смѣю быть убѣжденнымъ, что за это не ему краснѣть; ни теперь, ни послѣ, никогда не будетъ онъ стыдиться за путь имъ избранный, за ученіе имъ раскрываемое; ибо, какъ увидимъ, оно уже отчасти принесло свои добрые плоды, и будетъ приносить, и никогда не заслужитъ проклятія ни презрѣнія потомства. Скажу болѣе, даже злѣйшіе противники Маяка сдѣлали ему многія уступки своихъ заблужденій, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ обслѣдывать ихъ.

Однимъ словомъ, не посягая на право судіи въ собственномъ дѣлѣ, можно и теперь значительно пообъяснить, прежде праваго суда будущей Исторіи Литературы, и не вопреки ему, вышепредложенный вопросъ: *отъ чего иные выдаютъ и принимаютъ Маякъ за пошлый и смѣшной?* Стоитъ только представить на видъ самые факты современные, крайне поучительные и любопытные.

Маякъ началъ выходить 1840 года. Въ первой же

книжкѣ напечаталъ посвященіе всѣхъ будущихъ трудовъ своихъ памяти Великаго Петра, славѣ и пользѣ Россіи; за посвященіемъ слѣдуетъ статья: *Первый изъ Русскихъ* (Петръ 1) *Членъ Королевской Парижской Академіи Наукъ* потомъ *Похвальное слово Петру Великому*, соч. Фонтенеля; и въ теченіе всего года, рядомъ критическихъ и другихъ статей (и даже повѣстей), подробно и постепенно раскрывались причины застоя и упадка Литературы, Исторіи, Философіи и вообще Наукъ, (на что и всѣ журналы горько жаловались), заключавшіяся въ ложномъ и мишурномъ ихъ направленіи, и въ отсутствіи религіозности; и тутъ же обслѣдованы средства и пути, возстановить и оживить Науки, Философію, и Словесность, особенно Русскую;—что же? эти благонамѣренныя не безъ основательныя, не бездоказательныя изысканія остались въ тунѣ?—Нѣтъ, имъ вняли многіе; и это вниманіе разительно выказалось въ слѣдующемъ, 1841 году, появленіемъ двухъ новыхъ журналовъ: *Москвитянина* въ Москвѣ, и *Русскаго Вѣстника* въ Петербургѣ! Подъ знамена Москвитянина стали Московскіе Ученые и Писатели; знамя Русскаго Вѣстника несли трое изъ заслуженныхъ нашихъ писателей: Н. И. Гречь, Н. А. Полевой и Н. В. Кукольникъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ извѣстныхъ сотрудниковъ.

Первая книжка Москвитянина то же началась статьей, Петръ Великій; первая книжка Русскаго Вѣстника то же началась статьей: Петръ Великій; оба Журнала такъ же объявили войну ложному и мишурному направленію современной литературы, философіи, и прочая. Въ Маякѣ была напечатана статья Н. В. Савельева, *Очеркъ Всеобщей Исторіи*, обличавшая ложное направленіе новѣйшихъ историографовъ. въ Русскомъ Вѣстникѣ былъ напечатанъ подобный же *Очеркъ Всеобщей* исторіи г. Полеваго.—Г. Кукольникъ печаталъ прекрасные свои разсказы изъ анекдотовъ Петра Великаго; другіе сотрудники то же помѣщали статьи исключительно относящіяся до Россіи, и все это въ духѣ нравственности.

Въ 1842, къ тѣмъ двумъ журналамъ присоединился еще *Сынъ Отечества*, возобновленный К. П. Масальскимъ; первый номеръ его такъ же начался статьею *Петръ Великій* и другими статьями до Россіи относящимися,

а въ критикѣ, указаніями ложнаго направленія литературы, и стремленіемъ исправить оное.

— « Не ужели изъ этого,-спросятъ меня,-вы хотите заключить, что Москвитянинъ, Русскій Вѣстникъ и Сынъ Отечества подражали Маяку?

— Хотя подражать умному и хорошему ни для кого не предосудительно, а напротивъ, очень похвально; со всѣмъ тѣмъ *для меня* нѣтъ ни какой надобности касаться чьей *либо* щекотливости. Для отчета моего достаточно и одного этого событія: до Маяка журналы наши шли тѣмъ путемъ, которымъ шли они. Маякъ избралъ себѣ противоположный путь: черезъ годъ,-другой на томъ-же пути, въ направленіи къ той же цѣли, онъ находитъ уже три новые Журнала,-можно сказать, три разныя и многочисленныя партіи Писателей, вообще извѣстныхъ, устремившіяся къ одной цѣли съ Маякомъ, не изъ подражанія, а по собственному убѣжденію, по вопіющимъ потребностямъ времени.

Воля ваша,-не льзя же изъ этого событія не вывести хотя такое заключеніе въ пользу Маяка: «право же онъ не такъ еще пошлъ и смѣшёнъ, какъ его старались и стараются нѣкоторые представить! покрайней мѣрѣ эту участь раздѣлили съ нимъ, по доброму и свободному избранію, еще три Журнала, весьма хорошо принятые всею граматною Русью!» А когда дѣло покажетъ, что и сами тѣ, которые такъ усердно стараются объ уничтоженіи Маяка въ общемъ мнѣніи, многимъ и весьма многимъ обязаны ему, и многое-таки поизмѣнили въ себѣ къ лучшему, въ тихомолвку, именно по его неотвязному настоянію и убѣдительнымъ доводамъ, тогда и выводите сами, что́ скажетъ Исторія Литературы объ этомъ странномъ явленіи, что *слишной*, *пошлый* и *ни куда не годный* Маякъ, послужилъ къ исправленію и улучшенію, т. е. ко благу, собственныхъ своихъ гонителей и порицателей. Воля ваша: выше этой похвалы, и больше этой заслуги и желать нельзя! Напротивъ гг. Порицатели ни какъ не похвалятся подобною заслугою: чтобъ Маякъ что нибудь измѣнилъ въ себѣ, по настоянію ихъ горькихъ, но несправедливыхъ насмѣшекъ и преслѣдованій. Это отъ того, что Маякъ добросовѣстно и доказательно об-

слѣдывалъ и раскрывалъ ихъ ошибки и заблужденія, а они только преслѣдовали его голословными насмѣшками, искаженіями его мыслей и словъ.

А какъ вы объясните другое странное явленіе, вотъ хотя бы этакое. По выходѣ первыхъ книжекъ Маяка въ 1840 году, всѣ Журналы и Газеты отозвалась о его цѣли, направленіи и исполненіи такъ, какъ лучше и желать нельзя. Любопытные могутъ прочесть все это, вмѣстѣ собранное, въ Смѣси 1 тома 1840 года стр. 50. Я выпишу лишь нѣсколько словъ изъ отзыва Отечественныхъ Записокъ и Литературной Газеты о Маякѣ. Оба эти изданія состояли тогда подъ редакціею г. Краевскаго.

Литературная Газета 1840 N 17.

«Маякъ теперь уже не новость, первыя части его уже прочитаны Публикою и *заслужили общее одобреніе* . . . (Слѣдуетъ обзоръ статей, выписки и похвалы частностямъ) . . . Мы почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что вышедшія части Маяка обѣщаютъ въ немъ *альманахъ*, отличающійся оригинальностью и интересомъ. Въ этихъ частяхъ особенно замѣчательны ученыя и критическія статьи: первыя отличаются достоинствомъ своего фактическаго содержанія и литературнаго изложенія; а вторыя, *необыкновенно оригинальнымъ* и *шутливымъ языкомъ* . . . страстною любовью къ народному въ Литературѣ . . . и вообще духомъ и направленіемъ, которые можно назвать *народно-поэтическимъ* . . . .

Отечественныя Записки N 2.

Маякъ . . . . цѣль его, примиреніе литературы съ ученостью, какъ понятій, ложно и ошибкою почитаемыхъ за противорѣчащія и враждебныя одно другому, тогда какъ они по сущности своей родственны и даже тожественны. Эта *мысль прекрасно развита редакторами.*
(слѣдуетъ обзоръ статей, выписки и похвалы частностей.)

Всѣ читавшіе Маякъ, согласятся, что Литературная Газета и Отечественныя Записки сказали сущую правду; Маякъ точно то сдѣлалъ и содержалъ въ себѣ тогда, что́ ему приписано; да и въ томъ не откажутъ ему, что и до сихъ поръ онъ не измѣнялъ ни *духа* ни *направленія* своего, ни *языка народно-поэтическаго*, ни изложенія *оригинальнаго*, ни,-что всего важнѣе,-высокой цѣли своей: разработывать задачу *Просвѣщенія*, *Искусства* и *Обра-*

зованности, во всемъ ея объемѣ и примѣненіяхъ къ Жизни.

Отъ чего же О. З. въ концѣ того же года ополчились страшною тучею насмѣшекъ надъ Маякомъ: называли его и *плоцкой* и *издѣліемъ китайцевъ*, а народно-поэтическій, оригинальный языкъ его,-помѣшательствомъ ума *сумазбродствомъ*, а духъ его,-*китайскимъ духомъ*, и наконецъ въ послѣдніе годы придали ему званія: *журналъ-невидимка*, *журналъ-миоъ*, котораго они *никогда*, нигдѣ *не читали*, *не видали*, а только — все ругали *какой-то* журналъ Маякъ?—Я не хочу теперь обременять отчетъ свой многочисленными выписками всѣхъ порицательныхъ отзывовъ О. З. о *какомъ-то* Маякѣ; сдѣлаю это послѣ, при удобномъ случаѣ—вещь крайне любопытная и поучительная! — скажу только, что О. З. дѣйствительно слѣдили и читали Маякъ, съ большимъ вниманіемъ, и съ замѣтною для себя пользою. Ссылаюсь на всю читающую Россію: - припомните философію О. З. 1839, 1840, и частію 1841 годовъ, которая привлекала лишь улыбки людей, понимавшихъ дѣло, и забавляла своею туманностью людей, смотрѣвшихъ на нее, какъ на премудрость оракула. Во многихъ журналахъ, съ самаго появленія оной, было много насмѣшекъ, но только надъ смѣшными фразами ея; никто не бралъ на себя труда разобрать и показать О. З, что въ этомъ сумбурѣ мышленія, была своя система, и притомъ система-народія недочитаннаго и непонятаго Гегеля, у кого онѣ выхватили нѣсколько формулъ, и пробавляясь ими по своему усмотрѣнію, рѣшали однако этимъ современные вопросы критики, литературы, и жизни. О. З. дѣлали это отъ глубины убѣжденія, что онѣ прекрасно дѣлаютъ.

Разработывая въ критическихъ статьяхъ своихъ современныя ошибки и заблужденія литературы и философіи, Маякъ при каждомъ частномъ случаѣ, указывалъ О. З., что и онѣ участвуютъ въ этихъ ошибкахъ, и наконецъ въ IX части 1840, посвятилъ всю главу критики подробному разбору Системы философіи О. З., разсмотрѣлъ ровно 70 началъ, положеній и правилъ ихъ системы, и показалъ подробно и ясно, что всѣ они ошибочны, ложны, невѣрны, а сталобыть и — вся система, сотканная изъ такой паутины, ни куда ни годится и должна быть

оставлена. О. З. съ тѣхъ именно поръ крѣпко разгнѣвались на Маякъ, который впрочемъ постоянно продолжалъ показывать имъ и въ критикѣ, и въ наукахъ, и даже въ повѣстяхъ, заблужденія ихъ; — разгнѣвались, а между тѣмъ, стали философствовать меньше, рѣже, тише — и вотъ, въ наше время, почти со всѣмъ оставили свой *языкъ боговъ*, перестали философствовать, и видимо стараются писать просто, по человѣчески, какъ и всѣ смертные, и заслужили великую благодарность за это отъ своихъ почитателей. Ссылаюсь на всѣхъ на нихъ — не дадутъ солгать. Въ 1841, въ отдѣлѣ Наукъ, О. З. пообѣщали было издать въ свѣтъ, какъ вещи совершенно готовыя, *свою* исторію Русской литературы, и курсъ Эстетики; и для образца напечатали отрывокъ этой эстетики. Маякъ (часть XV. гл. IV. стр. 195 – 199) показалъ имъ, что эта эстетика, какъ и вся ихъ философія, ни куда не годится. Съ тѣхъ поръ, ко благу самихъ О. З., Литературы и Эстетики, ни объ Исторіи литературы, ни о курсѣ Эстетики и помина нѣтъ.

Кромѣ философіи вообще, онѣ еще сдѣлали много замѣтныхъ уступокъ Маяку и въ частныхъ своихъ сужденіяхъ критическихъ, о литературѣ и поэзіи, напримѣръ, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, и прочая; и хотя, по видимому, онѣ осмѣиваютъ сужденія Маяка о томъ же, но и сами того не замѣчаютъ, что читая внимательно Маякъ, онѣ многимъ позаимствовались изъ него, и уже теперь совсѣмъ не такъ судятъ о тѣхъ же вещахъ, какъ судили объ нихъ, напримѣръ, въ 1839, 40 и 41 годахъ. Въ Маякѣ 1843 былъ напечатанъ рядъ статей: *Обзоръ стихотвореній Пушкина*, остановившійся на 4 томѣ. У Издателя на столѣ и окончательныя статьи того же обзора остальныхъ томовъ; но онъ пріудержалъ ихъ нарочно, во ожиданіи пока О. З. кончатъ свой рядъ статей о Пушкинѣ, и выскажутъ самихъ себя, — тогда Маякъ будетъ имѣть удовольствіе поздравить О. З. съ замѣтнымъ отступленіемъ (процентовъ на 30, на 40, а гдѣ и на всѣ, 70, 80) отъ своихъ прежнихъ литературныхъ мнѣній, сблизившихся съ убѣжденіями Маяка; — и спросить: «За что же вы такъ неутомимо порицали Маякъ, которому сами вы столько обязаны своимъ улучшеніемъ?»

Внимательные читатели Маяка конечно помнятъ въ

немъ тѣ не малочисленныя выписки изъ статей другихъ нашихъ журналистовъ и писателей, въ разное время представленныя, которыми ясно доказывается, какъ всѣ эти господа писатели теперь мыслятъ согласно съ Маякомъ, о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ они прежде иначе и ошибочно мыслили, и за которыя все таки они же продолжаютъ порицать Маякъ: «яко бы онъ заблуждается въ этихъ вещахъ, и разсуждаетъ-де объ нихъ ни на что не похоже!» а сами объясняются почти его же словами. Факты и доводы у меня готовы: но поудержусь до времени, чтобъ не испортить дѣло, такъ, какъ поспѣшностью своею испортила дѣло Б. для Ч. Она нѣкогда гнала безъ пощады *сіи* и *оные*. *Многіе* испугались ея насмѣшекъ и перестали употреблять ихъ. Б. для Ч. и похвались, безъ всякой нужды, заслугою: «вотъ-дескать А, Б, В, Г, прежде употребляли *сей* и *оный*, а теперь, перестали. А. Б. В. Г. точно перестали было употреблять *сей* и *оный*, но услыша такую похвальбу Б. для. Ч., опять воротились къ нимъ и доселѣ употребляютъ. Конечно, дѣло Маяка идетъ не о такихъ мѣлочахъ, а о всемірной, вѣчной *истинѣ*, *правдѣ* и *красотѣ*; и при томъ, кто разъ оставилъ ложь и принялъ истину, и опять отвергнетъ ее и возвратится къ прежней лжи,-тому уже не поздоровится на общемъ судѣ. Такой переметчивости ничѣмъ ужъ не очистишь и не закроешь; это не то что *сей* и *оный*, гдѣ можно извернуться и такъ и сякъ, и все будетъ сносно.

И такъ, во ожиданіи особаго вызова, не стану обремѣнять отчетъ свой, и безъ того обширный, выпискою многочисленныхъ мѣстъ изъ различныхъ нашихъ писателей, гдѣ всѣ и каждый въ томъ или другомъ главномъ вопросѣ *Образованности*, *Просвѣщенія*, *Искуства*, *Народности*, *Вѣры*, *Философіи*, *Исторіи*, *Науки*, *Жизни*, пишутъ то же самое что и Маякъ, и въ то же время на повалъ порицаютъ его въ пошломъ и смѣшномъ; и не видятъ того, что имъ самимъ придется взять на себя не малую долю этого пошлаго и смѣшнаго.

Равно не стану разоблачать теперь искусныя уловки такъ называемаго *битья по карманамъ* нѣкоторыхъ критиковъ Маяка, которые, по видимому, хвалятъ его пріятельски, съ участіемъ и съ изъявленіемъ даже высокопочита-

нія ихъ къ учености и дарованіямъ *почтеннаго* и даже *почтеннѣйшаго* редактора. Но если вы всмотритесь пристальнѣе въ ихъ похвалы, то увидите, что такія похвалы, именно отпугиваютъ отъ Маяка всѣхъ довѣрчивыхъ читателей, не знакомыхъ съ кознями Журналистики. Они начинаютъ, напримѣръ, самою лукавою похвалою *учености* статей: «о, Маякъ-де сущій кладъ для Русскихъ археологовъ, филологовъ, граматиковъ, математиковъ, моряковъ; есть въ немъ и хорошія проповѣди ... но, къ прискорбію, мы должны признаться: его философія—галиматья, его сужденія о легкой словесности – ни на что не похожи; его приговоры просвѣщенію и образованности Запада,–просто, невѣжество; его народность-подслащеная, приторная!» Будьте на мѣстѣ тѣхъ читателей, которыхъ эти же господа, десятками лѣтъ, воспитывали на своемъ чтеніи *легкомъ*, т. е. мишурномъ и пустомъ; и для которыхъ, потому самому, слово *проповѣдь* — страхъ! *ученость*-сущее пугало! не отбросятъ ли ихъ на версту отъ Маяка такія сердобольныя похвалы? потому что ученыхъ статей они пріучили ихъ бояться; а объ отдѣлѣ изящной Словесности Маяка или хранятъ мертвое молчаніе, или даютъ отпугивающіе намѣки: «что-де тамъ все сухо, не весело, не остроумно!» А между тѣмъ созданія, подобныя роману *Лёва Долина* (*) не имѣютъ себѣ равныхъ въ современной Литературѣ; только развѣ *Адольфъ*, Бенжаменъ-Констана, составлявшій любимое чтеніе Пушкина, могъ бы идти въ нѣкоторое сравненіе; но и тутъ превосходство далеко — на сторонѣ нашего соотечественника. А *Илья Муромецъ*, А. В. Тимофеева! а множество другихъ превосходныхъ вещей, въ прозѣ и стихахъ, о которыхъ напомнитъ Указатель!–

И хоть бы одно слово сказали *Пріятели* Маяка, о такихъ произведеніяхъ! — Надо сознаться, эти пріятель-

---

(*) Этотъ превосходный романъ, помѣщенный весь въ Маякѣ нынѣшняго года, составилъ бы три или четыре тома, если бы его напечатать отдѣльно. Къ сожалѣнію, онъ до сихъ поръ не понятъ и не оцѣненъ. И. П. Борисевскій пообѣщалъ разобрать и раскрыть его чудныя достоинства и красоты, если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году. Такія вещи надо дѣйствительно изучать и изучать, для пользы Русскаго языка и Словесности.

скія, скорбящія похвалы, напугали Маякомъ людей даже образованныхъ, въ душѣ готовыхъ раздѣлять его убѣжденія, напугали больше, чѣмъ самыя безпощадныя порицанія первыхъ; и чтожъ? тѣ и другіе, дѣйствуя въ продолженіе 5 лѣтъ такъ дружно и постоянно, достигли своей цѣли, возбудили въ людяхъ, не читавшихъ Маяка, ужасное предубѣжденіе противъ него. Многіе, даже лично мнѣ знакомые, прежде съ удовольствіемъ читали его; но въ тоже время, читая печатныя, и слыша безпрестанно кругомъ себя устныя порицанія ему, – оставили его; а подъ часъ, въ *компаніи* и сами поддакиваютъ: «да–да; прескучный – пресухой – пошлый и смѣшной!»

Замѣтимъ здѣсь, что одинъ только *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, указываетъ постоянно на большую часть статей Маяка, какъ на произведенія, достойныя особеннаго вниманія въ ученомъ и литературномъ отношеніяхъ.

Противники Маяка ставили ему въ укоръ то, что у *него мало подписчиковъ*; я буду еще откровеннѣе — и скажу даже, сколько именно ихъ было:

Въ 1840 году подписчиковъ было около 800.
1841 . . . . . 650.
1842 . . . . . 540.
1843 . . . . . 450.
1844 не набралось и . . . . 400.

Ежели кому краснѣть за это, то вѣрно не Маяку: а его противникамъ, которые всѣми средствами старались остановить распространеніе истинъ, раскрываемыхъ въ Маякѣ. Не смотря на все это, онъ твердо и неизмѣнно шелъ своей дорогой, отъ начала и до сихъ поръ, и будетъ идти до конца своего существованія, съ каждымъ годомъ улучшаясь, какъ бы ни тягостно было это существованіе; не будетъ краснѣть: ибо, какъ уже видѣли, цѣль его добрая, путь добрый, средства добрыя. Трудно воздѣлывать заросшую и запущенную почву; но когда она удобрится, когда посѣвъ пшеницы взойдетъ, когда она созрѣетъ — о, посмотрите тогда, сколько серповъ сбѣжится съ разныхъ сторонъ пожинать готовое: « это мое!.... я то же самое писалъ!... да развѣ не я первый это говорилъ!»... Труд-

но прокладывать первую тропинку по непроходимымъ пропастямъ и болотамъ; а когда устроится тамъ желѣзная дорога,—тогда всѣ бросятся и заговорятъ: «и я ѣздилъ!... а я развѣ не сто разъ ею проѣзжалъ!» —Такъ и теперь, трудно въ началѣ бороться противъ привычки къ ложнымъ понятіямъ — не скажу *всѣхъ*, этого нѣтъ, а *многихъ*, и весьма многихъ, другъ за другомъ повторяющихъ, безъ разсужденія и повѣрки, одну, другую, десятую, сотую ложную мысль, пущенную въ ходъ духомъ вѣка. Можно и пасть въ неровной борьбѣ — но всегда отрадно будетъ оглянуться на прежнее поприще борьбы, этою же самою борьбою вспаханное и удобренное, и приносящее плоды посѣяннаго добра!.. а все таки очень тягостно было и есть существованіе Маяка. Всякій, хотя мало знакомый съ бездною журнальныхъ расходовъ, согласится, что для исправнаго существованія Журнала, 800 подписчиковъ мало; — Сынъ Отечества и Рускій Вѣстникъ не могли исправно существовать даже при этомъ числѣ. Но существовать при 600, 500, 400 подписчикахъ — спросите кого угодно, – вещь невозможная! Маякъ существуетъ пять лѣтъ съ ряду, выходитъ исправно, выдаетъ всегда больше обѣщаннаго числа листовъ!

— Это истинное чудо; такое чудо, котораго я самъ себѣ объяснить не умѣю! Всѣ сотрудники доселѣ работали безъ-возмездно, единственно изъ убѣжденія въ общей необходимости и пользѣ, которая, рано или поздно, произойдетъ изъ ихъ трудовъ. Въ возмездіе Издателю за труды, отъ каждаго года оставался долгъ; эти ежегодные долги, нарастая, составили значительный итогъ общаго долга;-со всѣмъ тѣмъ Маякъ существуетъ, и будетъ существовать, пока минуетъ туча предубѣжденія, навѣянная противными вѣтрами; тѣ же вѣтры сами и разнесутъ ее, и дѣло Маяка прояснится. Такъ быть должно; потому что дѣло Маяка есть дѣло всѣхъ Русскихъ, безъ исключенія.

Кто изъ Русскихъ не сочувствуетъ славѣ своей родины? — и Маякъ успѣшно разработываетъ Русскія древности и современность, и безпрестанно показываетъ фактами новыя доблести, новыя заслуги, новыя превосходства Русскаго народа, древнія и современныя.

Кто изъ Русскихъ можетъ не сочувствовать успѣхамъ своей Словесности, въ теоріи и практикѣ? — и Маякъ въ теченіе пяти лѣтъ удачно разработывалъ теорію слова, которая мало по малу, и замѣтно, принимается къ почвѣ; въ тоже время онъ представляетъ много удачныхъ попытокъ истинной, высокой Русской повѣсти и поэзіи; что дальше, то это будетъ легче, лучше, ближе къ совершенству. Съ этой стороны даже на неудачныя попытки должно смотрѣть съ признательностію: онѣ, какъ фашинникъ упавшій на трясинѣ, помогутъ другому сдѣлать шагъ въ передъ. А вѣдь дѣло совершенствованія всегда медленно идетъ, во всемъ.

Кто изъ Русскихъ не порадуется одной даже мысли, что въ его отечествѣ, словесность, философія, искуства и науки, могутъ принять истинное, просвѣтительное, благотворное основаніе? — и Маякъ именно съ этою цѣлью предпринятъ. Онъ показалъ причину лживости и шаткости всѣхъ философскихъ системъ, начавшихся у язычниковъ и пересаженныхъ на Западъ христіянскій, но чрезъ языческую философію и словесность оязычившійся, и чрезъ то самое, исказившій заблужденіями своими всѣ искуства и науки, отъ политической экономіи до своей теологіи. Маякъ, за основаніе будущей Русской философіи, или лучше, мудрости, положилъ истинную Психологію, ученіе о душѣ, которая должна служить ключемъ ко всѣмъ другимъ наукамъ; и которая, чѣмъ болѣе повѣрялась, всесторонно, многоразличными примѣненіями, то больше оправдывалась вѣрность ея основы и построенія. Вѣрная Психологія служитъ вѣрнымъ руководствомъ къ изученію тайнъ, основъ и законовъ Эстетики, науки Слова и другихъ искуствъ; къ изученію истинныхъ началъ науки Правды или юристики, къ построенію вѣрной Всемірной Исторіи, политической экономіи или науки народнаго Блага (а не богатства); къ построенію истинныхъ началъ педагогики или науки Воспитанія, наконецъ, къ упорядоченію, очищенію, возвышенію народной Жизни вообще, - кто изъ Русскихъ не порадовался бы, еслибъ все это осуществилось въ нашемъ отечествѣ, и послужило бы въ уплату долга нашимъ учителямъ, которые уча насъ внѣшнему, малоцѣнному добру, много помрачили наше родовое, внутреннее, безцѣнное

добро; а начало всему этому осуществленію жизни наукъ, дѣйствительно положено въ Маякѣ; не достаетъ лишь многихъ усердныхъ и способныхъ рукъ, которыя бы единодушно и съобща принялись разработывать начатое, искренно отложась мишурной лжеучености Запада.

Кто изъ Русскихъ не порадовался бы такому усовершенствованію и обработкѣ нашего роднаго языка, которыя придали бы ему всю мягкость, сладость, звучность, прелесть, такъ ему свойственныя по его богатой и чудной природѣ, и сдѣлали бы его общелюбезнымъ языкомъ всей Европы? — и Маякъ много страницъ посвятилъ изученію Русскаго языка въ самыхъ тайникахъ его.

Минуя многое, не менѣе важное, скажу наконецъ, кто изъ Русскихъ не восхитился бы тѣмъ событіемъ, когда Церковъ наша святая, чистая, чуждая всякія скверны и порока, каковы, напримѣръ, инквизиція, езуитство, торговля прошлыми и будущими грѣхами и беззаконіями, продажа самаго рая съ молотка,- «кто больше!» — фанатическія свирѣпыя кровопролитія, прикрытыя религіозными предлогами, гоненія, вражды, домогательства мірскаго господства или мірскаго безначалія и свое-умничанія, невѣріе и безбожіе;-Церковъ наша Апостольская, вполнѣ сохранившая,-въ истинныхъ членахъ своихъ, во внѣшнемъ и внутреннемъ чиноустроеніи,-древній Божественный духъ смиренія, самоотверженія, истины, жизни и чистоты; Церковъ, на тысячу лѣтъ утаенная отъ ослѣпленныхъ глазъ бѣсновавшейся Европы, — наконецъ какъ солнце просіяетъ во весь міръ! оживотворитъ помертвѣлый трупъ Востока и Запада, — Запада, погрузившаго народную жизнь свою въ плоть и кровь, въ суевѣріе, невѣріе и забвеніе Бога,-и содѣлаетъ великое Отечество наше всемірнымъ училищемъ истиннаго Богопочитанія и благочестія, убѣжищемъ мира и спасенія; а эти великія событія непремѣнно исполнятся, ибо наша Россія именно къ этому призвана, и 1000 лѣтъ готовилась?—и Маякъ много страницъ своихъ посвящаетъ всесторонному раскрытію этихъ величайшихъ и благодѣтельныхъ истинъ.

Не ужели есть сыны Россіи, которые до такой степени отчуждены отъ тѣла своего Отечества, что, какъ разбитые параличемъ или вовсе помертвѣлые члены, ни сколь-

ко не сочувствуютъ общей жизни своего благословеннаго тѣла, не восхищаются его добромъ, не скорбятъ о его болѣзняхъ и страданіяхъ? и ежели у нихъ есть лёгонькія повѣстцы и анекдотцы, которые наполняютъ собою ихъ праздные часы, то уже всякое другое чтеніе, касающееся великихъ личныхъ ихъ благъ, и благъ нашего отечества, для нихъ чуждо, сухо, скучно, потому только, что въ томъ чтеніи нѣтъ любовныхъ похожденій? Обращаюсь къ нимъ:

Ужели ваша дочь, « воспитанная и образованная », до такой степени заглушила въ себѣ врожденное чувство гражданственности, сознаніе долга Россіянки, будущей хозяйки, супруги и матери новаго поколѣнія, которому она первая подастъ начатки и основы будущей гражданской его жизни, благословенной или отверженной, — ужели ваша дочь не сочувствуетъ прошлымъ и современнымъ судьбамъ своего отечества? и ей нужды нѣтъ, будетъ ли здѣсь Россія или татарство, чухонство или калмычество? и чужды ея сердцу польза и вредъ, постигавшія или угрожающія ея отечеству? она знаетъ, любитъ и помнитъ лишь себя, и свои ребяческія удовольствія: французскую кадриль, французскій романсъ, шляпку и повѣсть — до всего остальнаго ей нужды нѣтъ? Ей тягостно прочесть статью Петръ Великій: ея сердце не бьется при одномъ воспоминаніи Великаго имени — Россія! ей скучно взять въ руки статью о Русской народности, о Русскомъ словѣ, о Русской исторіи; ей не выносимо вмѣстѣ съ критикомъ обслѣдывать предметъ важный, общелюбезный, отечественный? и если она засыпаетъ надъ главою наукъ, критики, то въ этомъ вы же виноваты, отецъ и мать, не хуже ее дремлющіе надъ тѣми же главами, потому что и вамъ онѣ кажутся чужды, сухи, скучны!

Но попробуйте, переломите себя, принудьте себя къ чтенію дѣльному, умному, питательному, мыслительному; приложите трудъ изучить статью, знакомящую васъ съ чѣмъ либо отечественнымъ, вы удивитесь, какое наслажденіе вы будете вкушать, чувствуя себя владѣльцемъ новыхъ понятій, новыхъ истинъ, радостныхъ, живительныхъ, озаряющихъ все бытіе наше. Тогда призовите вашу супругу, дочь; сами прочтите имъ ту же статью, объясните имъ то что, по не привычкѣ, не понятно имъ; возбудите

участіе къ тому, что, по непривычкѣ и не знанію, какказалось для нихъ не занимательнымъ; — и вы удивитесь открытію: что и вашу супругу и вашу дочь Господь Богъ одарилъ такимъ же умомъ и разумомъ, такимъ же чувствомъ и вкусомъ къ знанію, къ истинѣ, къ прекрасному во всемъ; вы удивитесь, что ихъ глазамъ предстанетъ чудное видѣніе родины, отечества, Россіи, не какъ призракъ, а какъ существо живое, родное, любезное; и сердце ихъ забьется жизнію Русскою, и душа ихъ отзовется на каждый голосъ отечества, радостный и скорбный; и знаніе отечества, и чувства любви къ нему, ваши супруги и дочери, принесутъ съ собою и предъ престолъ Божій, въ молитвахъ, и на праздникъ семейный, и на торжество общественное, и въ дружескую бесѣду: ихъ не удовлетворитъ тогда, какъ теперь, жалкая болтовня ни о чемъ, безчувственный и безсмысленный перебой словъ о новыхъ шляпкахъ, актрисахъ, и повѣстяхъ; тогда бесѣда будетъ, какъ и быть должно — школа взаимнаго обученія, отраднѣйшая мѣна познаній и чувствъ любви къ родинѣ и ко всему отечественному, ко всему высокому и прекрасному, достойному такого великаго, божественнаго созданія, какъ человѣкъ. Вотъ идеалъ истинно просвѣщеннаго, образованнаго, искуснаго Русскаго общества! И это во все не мечта. Что человѣкъ знаетъ, то и любитъ, какъ свой трудъ, какъ свое произведеніе; а что человѣкъ знаетъ и любитъ, о томъ и говоритъ. Пошлость и мѣлочность бесѣдъ, свидѣтельствуетъ пошлость и мѣлочность знаній ея членовъ. Къ осуществленію этого идеала направлены всѣ усилія Маяка; эти усилія дѣйствуютъ пока на единицы; изъ единицъ — слагаются десятки, сотни, тысячи, милліоны. Содѣйствуйте, и прогрессіи быстро разростутся, разойдутся по всѣмъ радіусамъ общества.

Да будетъ же стыдно тѣмъ, кто подобныя усилія считаетъ пошлыми, смѣшными! да одушевятся же новою надеждою безвозмездные труженики Маяка; ихъ усилія не безплодны и теперь, и принесутъ обильный плодъ — во время свое!

III. Защитительная часть Отчета.

Спѣшу окончить свой отчетъ очищеніемъ нѣсколькихъ

частныхъ возраженій и обвиненій, дѣланныхъ Маяку.

— За чѣмъ въ Маякѣ такъ много Богословскаго, это не въ духѣ, не въ тонѣ, этого не любятъ, за это не читаютъ Маяка?

Не любятъ, потому что не знаютъ; надо знакомить, благовременно и безвременно; узнаютъ — полюбятъ, а полюбятъ — изъ рукъ не выпустятъ: ибо только въ этомъ свѣтъ, жизнь, истина—сладчайшая пища души. Труженики Маяка очень хорошо знаютъ, чѣмъ бы можно было угодить большинству современниковъ, ихъ испорченному вкусу; знаютъ, потому что подробно все это обличаютъ: вмѣсто обличеній и они съумѣли бы *чесать слухъ*, льстить, потворствовать и наживать славу и деньги; и вотъ же пять лѣтъ — они и не подумали, свой образъ дѣйствія прямой измѣнять на лукавый. Основывая Просвѣщеніе на сроненіи и единствѣ всѣхъ наукъ, во главѣ которыхъ Богословіе, какъ руководство къ познанію доступныхъ и открытыхъ таинъ Бога, человѣка и природы, — Маяку не возможно, не озарять, не повѣрять каждый свой шагъ *Богословіемъ-Откровеніемъ*, столько же какъ и *Исторіей-опытомъ*, какъ и Логикой – *теоріей*. Отнимите у Маяка Богословіе, вы погасите его свѣтъ, подроете его основаніе. Богословіе входитъ въ Маякъ не какъ орудіе проповѣди, оглашенія, — это не его дѣло; — а какъ основа и краеугольный камень науки, мудрости, философіи. Умѣйте различать проповѣдническое оглашеніе отъ философскаго изученія и примѣненія истинъ откровенныхъ къ жизни, къ слову, къ знанію; а что Маякъ не слѣдуетъ западнымъ философамъ, и не прикрываетъ истинъ откровенныхъ, какъ они, одеждою чуждою, дикою, общепонятною, а приводитъ собственныя слова Откровенія, то это онъ хорошо и справедливо дѣлаетъ.

За чѣмъ Маякъ печатаетъ у себя настоящія Проповѣди; да ещё хоть бы пряталъ ихъ въ середину, а то прямо ставитъ ихъ съ головы; откроешь книжку, и отпугнетъ тебя! и нѣтъ силъ читать, хоть бы тамъ далѣе самыя прелести были?»

Постыдно слышать такіе отзывы отъ просвѣщенныхъ Христіянъ: и однако я не разъ ихъ слышалъ. Что такое проповѣдь?—Полное раскрытіе какой либо частной истины,

необходимой для нашего просвѣщенія, образованности, для блага нашей жизни, дольней и горней. — И люди, ищущіе просвѣщенія, могутъ отвергать то, что въ немъ есть существеннаго. Подумайте—коего духа есте? Впрочемъ, Маякъ ни когда не предназначалъ и не дѣлалъ себя исключительно сборникомъ проповѣдей: онъ помѣстилъ у себя всего-на-все *словъ* пять или шесть, достойныхъ особеннаго общаго вниманія, или по ихъ древности, или по ихъ отличному изяществу, или потому что въ нихъ рѣшаются вопросы, идущіе къ дѣлу Маяка, на которые онъ будетъ ссылаться въ своихъ философскихъ работахъ.

За чѣмъ Маякъ тоньше другихъ журналовъ, и не столько наполняетъ себя *смѣшными* рецензіями, повѣстями и романами, какъ тѣ, — читать нечего? И за чѣмъ книжки его въ началѣ года гораздо толще лѣтнихъ и осеннихъ?

Во первыхъ Маякъ дешевлѣ, потому долженъ быть и тоньше другихъ журналовъ; но большой форматъ и плотный, хотя и четкій, наборъ его, дѣлаетъ то, что его 15 листовъ равняются 20—22 листамъ, напримѣръ, Б. для. Ч. Ни одной, отдѣльно издаваемой книги, равной величины съ книжками Маяка, вы не купите за рубль серебромъ.—Во вторыхъ, и въ Маякѣ есть что читать: проза, критика и смѣсь—всѣмъ доступны, глава Матеріяловъ большою частію-тоже; а Глава наукъ, по милости ея не любителей, рѣдко безпокоитъ своимъ присутствіемъ. Въ третьихъ, надѣясь, при началѣ каждаго года, на увеличеніе подписчиковъ, Маякъ, по обширности своего содержанія, съ удовольствіемъ разширятъ свой объемъ, который, съ приращеніемъ средствъ, не только бы сохранился, но еще умножился и значительно; потому что въ рукахъ издателя такъ много прекрасныхъ вещей готовыхъ, и столько бы ихъ было приготовлено вновь, для скорѣйшаго достиженія предположенной цѣли, всесторонно, что даже удвоенный объемъ, едва ли бы удовлетворялъ потребностямъ и готовности сотрудниковъ развивать свои работы въ общемъ дѣлѣ. Но когда послѣ двухъ трехъ мѣсяцевъ тщетнаго ожиданія, вмѣсто приращенія окажется убыль подписчиковъ, тогда уже вопросъ не о развитіи, а о буквальномъ существованіи Маяка: число листовъ сокращается до обѣ-

щаннаго, число запасныхъ экземпляровъ уменьшается до послѣдней возможности. Только этимъ средствомъ Маякъ и достигалъ того, что устаивалъ въ своемъ словѣ передъ подписчиками, вещественно; потому и внутренно Маякъ еще не могъ показать себя вполнѣ такимъ, какимъ онъ можетъ быть, при средствахъ, достаточныхъ хотя для малаго вознагражденія большихъ издержекъ и великихъ трудовъ его безвозмездныхъ тружениковъ. Наполнять себя грошёвыми переводами ничтожныхъ иностранныхъ романовъ и повѣстей, Маякъ почитаетъ за стыдъ и вредъ для нашей Словесности. Достойныхъ повѣстей иностранныхъ очень мало: и что можно было найти — печаталось въ Маякѣ. Впрочемъ, Маякъ и до сихъ поръ не оскудѣвалъ, а при средствахъ всегда будетъ избыточествовать прекрасными опытами Русскихъ повѣстей, истинно изящнаго высокаго рода. — Что же касается до *слышныхъ* рецензій, то Маякъ намѣренно изгналъ безполезную Полемику: его цѣль не *слышать* читателя а содѣйствовать развитію *истинныхъ понятій* о наукахъ и словесности. Поэтому онъ съ охотою печатаетъ *дѣльныя возраженія* даже на собственныя статьи. Припомните занимательный споръ г. Магистра правъ, В. В. Игнатовича съ Н. В. Савельевымъ, подавшій послѣднему поводъ, критически объснить Тацитову Германію, чего еще не было сдѣлано до нынѣ, ни во Французской, ни въ Нѣмецкой Литературѣ.

За чѣмъ Маякъ такъ упорно презираетъ все западное, и силится превозносить только все Русское?

Это наговорили вамъ порицатели Маяка: въ немъ вовсе нѣтъ такого Омарства. Весь Маякъ вращается около искуствъ и наукъ — вотъ уже по одному этому, не можетъ онъ презирать *все* западное: ибо искусства и науки мы заняли частію отъ Грековъ, а частію отъ Запада; но у послѣдняго заняли ихъ вмѣстѣ съ ихъ заблужденіями и злоупотребленіями. Маякъ признательно беретъ всякое добро и въ чужѣ, и сильно обличаетъ всякое злоупотребленіе искуствъ и наукъ, даже и домашнее. Что же касается до Церкви Православной, до Царства

самодержавнаго, до языка роднаго, вообще, до стихій и *добрыхъ* обычаевъ Русскихъ, Маякъ сильно и право стоитъ за то, что все это у насъ было и есть выше и превосходнѣе и благотворнѣе, чѣмъ у Запада! И за эту правду обвинять и клеветать Маякъ! Посудите, разумные соотечественники, хорошо ли это? Обличая Западъ, Маякъ предлагаетъ вамъ дѣло, исторію, факты, а не на вѣтеръ разглагольствуетъ: онъ знаетъ, онъ убѣжденъ въ томъ, что говоритъ: осяжите, читайте, слѣдите внимательно,–вы и сами убѣдитесь: не полагайтесь на чужёй, умышленно неправый судъ.–Съ другой стороны, никто такъ искренно не раскрываетъ всего дурнаго, что есть на Руси, какъ Маякъ: онъ слишкомъ далекъ отъ ослѣпленія лже-любовію къ отечеству.

Почему Маякъ, старые годы свои не уступаетъ за безцѣнокъ, какъ это дѣлаютъ другіе Журналы, и тѣмъ умножаютъ число своихъ читателей?

По самой простой причинѣ. Другіе Журналы, владѣя большими средствами, имѣютъ возможность печатать большой запасъ лишнихъ экземпляровъ, и по минованіи года, уступать ихъ, съ выгодой для себя, за безцѣнокъ. Маякъ не можетъ печатать даже и такое число экземпляровъ, которое, по расходѣ всего, покрывало бы однѣ типографскія издержки. Все, что остается не проданнымъ,–есть долгъ издателя; уступить остатки за безцѣнокъ, значитъ лишиться всякой возможности покрывать долгъ будущею распродажею, всегда возможною; ибо оно такъ и есть: ежегодно поступаетъ не мало требованій на прошлые годы; но весьма простой причинѣ: Маякъ не то, что другіе Журналы: тѣ именно и припоровляются на одинъ прочетъ: прочли и книжка больше не нужна; прочли первый годъ, третій, пятый, съ середины, съ конца — все равно, если только нѣтъ статей *продолжающихся впредь*. Въ Маякѣ не то: это непрерывная цѣпь и связь работъ, стремящихся къ одной цѣли. Съ другой стороны, экземпляры, оставшіеся за непродажей, замѣняютъ наличную монету, въ малое и единственное возмездіе много-потрудившимся для Маяка.–Вообще же прошлыхъ экземпляровъ теперь остается весь-

ма и весьма не много; и какъ ни необходимо бы сбыть ихъ всѣ, для покрытія нетерпящихъ долговъ, но за безцѣнокъ — ни подъ какимъ видомъ (*)

Одинъ изъ усердныхъ читателей и защитниковъ Маяка между отдаленными областянами, писалъ къ Издателю слѣдующее.

Много довольныхъ, много и не довольныхъ Маякомъ. Одни желаютъ видѣть въ немъ только ученыя статьи, другіе желаютъ болѣе философскихъ, иные — повѣстей, разсказовъ, мѣлочей, иные — сами не знаютъ чего. Одни, называютъ *то* и *то* безполезнѣйшею вещію, другіе, то же самое — украшеніемъ Маяка. Одни бранятъ за повтореніе однихъ и тѣхъ же основныхъ его истинъ и началъ; другіе желали бы, чтобы главныя, основныя мысли всегда были на виду; — къ послѣднему роду относятся, большею частію, люди, малознакомые съ прошедшими годами Маяка. Одни требуютъ совершеннаго изгнанія иностранныхъ словъ изъ статей Маяка, и замѣны ихъ нововыдуманными или подходящими Русскими, — другіе, привыкши къ нимъ, требуютъ ихъ какъ условіе ясности и опредѣленности; видятъ въ этомъ стремленіе къ (невозможному) единству ученаго языка у всѣхъ народовъ; и бѣсятся отъ нововведенія словъ, вами предложенныхъ въ замѣну иностранныхъ, напримѣръ: *организація* — членосоставъ, *результатъ* — по́слѣдь, *провинціалъ* — областянинъ, *спеціальный* — удѣльный, *индивидуальный* — личный, о́собный и проч. Одни безъ негодованія видѣть не могутъ вашихъ нововведеній правописанія; другіе, убѣдясь доводами, находятъ его очень нужнымъ. О, люди *безконечно* строги къ своимъ ближнимъ! . . Гдѣ у человѣка силы — удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ? Напримѣръ, иному вся книжка нравится, а одна маленькая статейка не нравится, и онъ ужасно ругаетъ *весь журналъ* . . . Иной, Христіянинъ съ изъянцемъ, не любитъ проповѣдей, и развернувъ въ началѣ книжки проповѣдь, не хотѣлъ читать далѣе, бросилъ книжку, и далъ клятву никогда болѣе не выписывать и не читать Маякъ. Что будете дѣлать.

Нѣкоторые желаютъ видѣть большія статьи. въ которыхъ бы началось и кончилось дѣло; другіе хотѣли бы видѣть ихъ разбитыми на нѣсколько книжекъ, чтобы пробѣгать не утомляясь. Какъ угодить? — о, большей вамъ предлежитъ подвигъ! Есть и такіе, которые думаютъ, что — поелику теперь у насъ

(*) Впрочемъ, во уваженіе сего обычнаго требованія *уступки*, Издатель предлагаетъ слѣдующее. Кто потребуетъ за всѣ *пять* лѣтъ разомъ, тотъ получитъ уступки 20%. За четыре года разомъ — уступается 15%. За три года — 10%. За два года — 5%. За одинъ годъ или экземпляръ, — полная подписная цѣна 12 руб. сереб. — За пересылку Почтамтъ взимаетъ, сверхъ того, 1½ рубля сереб. за каждый годъ. Адресоваться или къ самому Издателю или въ Газетную Экспедицію. Книгопродавцы не могутъ дѣлать за-

застой литературный и научный, то и *долженъ* быть застой, и не должно быть ни какого движенія . . . Стой! Стой! Вообще же, всѣмъ другимъ журналамъ всё прощаютъ; *Маяку — ни чего* не прощаютъ. Отъ чего? — важный психологическій вопросъ! отвѣтъ на него: это — безсознательное мщеніе уликами потревоженной совѣсти нѣкоторыхъ. — Такъ ли?

Такъ! На эти сужденія всего бы лучше отвѣчать Ломоносова стихомъ:

Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи, —
Придется и осла взвалить себѣ на плечи!

Но безопаснѣе всего отвѣчать вопросомъ: «вѣренъ ли Маякъ своей задачѣ?» - и мы видѣли, что онъ вѣренъ своей задачѣ, своей цѣли, идетъ своимъ путемъ неуклонно, дѣлаетъ всё обѣщанное по силамъ и средствамъ своимъ; хотя, какъ дѣло человѣческое, въ частностяхъ не безъ недостатковъ. За чѣмъ же требуютъ, чтобъ онъ былъ сходенъ съ личнымъ вкусомъ и ожиданіемъ каждаго? *на это онъ не вызывался*, — этого и требовать съ него не должно, этого и выполнить не возможно.

Маякъ въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ принимаетъ иногда Диктаторскій тонъ: надобно бы смягчать его вставками, *кажется*, — *можетъ быть*, — *думаю*, — *если позволите*, и прочая.

Признаюсь, все этакое есть риторическая уловка язычниковъ, вовсе не нужная для писателей и для читателей Христіянскихъ. Щекотливость читательскаго самолюбія должна быть чужда просвѣщенному Христіянскому обществу. Напримѣръ:

Сегодня четвергъ. Я это очень хорошо знаю: не будетъ ли низкое человѣкоугодіе, если я заговорю: «*кажется*, сегодня четвергъ, — *можетъ быть*, сегодня четвергъ, — *думаю*, что сегодня четвергъ, — *если позволите*, сегодня четвергъ»... Не китайскія ли это церемоніи, всегда вредныя истинѣ и полному убѣжденію слушателя? — « *Смѣю думать*, — *кажется*, — *полагаю*, что діа-

---

кой уступки, кромѣ тѣхъ не многихъ случаевъ, когда они покупаютъ за безцѣнокъ или вымѣниваютъ *случайные* экземпляры, отъ нежелающихъ имѣть ихъ, или читанные.

метръ круга проходитъ черезъ центръ его и, *быть можетъ*, дѣлится имъ пополамъ!» — Что бы вы сказали, если бъ Математикъ заговорилъ такимъ лжесмиреннымъ образомъ. По этому математики всегда говорятъ диктаторскимъ тономъ? ибо они твердо кладутъ положеніе, и настоятельно его доказываютъ.

Въ чемъ вы *убѣждены* какъ въ истинѣ, и готовы предложить всѣ доводы и факты,—о томъ говорите твёрдо, стойко, *со властію*, ради всевластной истины, какъ органъ ея, не болѣе, — говорите *диктаторски*, если такъ угодно выразиться. Кто этимъ соблазнится, тотъ выкажетъ только свое больное, огромное, щекотливое самолюбіе, которому ни чѣмъ не угодите. Но тамъ, гдѣ вы работаете путемъ *догадокъ*, тамъ вы сами собой невольно поставите смиренное: *кажется — вѣроятно — полагаю*. Въ Маякѣ такъ это и дѣлается.

Маякъ не исполняетъ обѣщаній своихъ, продолжать важныя статьи: — *Европейскія идеи* — критику на *Исторію Русскаго* народа—*Науку Примѣненій* — подробности стихій *Русской Народности*—Критику *на Пушкина*,-Критическій *разборъ* другихъ Журналовъ,-и многія другія, давно обѣщанныя.

Однѣ продолжать еще не время, другія не можно.. Что же касается до *Науки Примѣненій*, то сочинитель ея получивъ съ 1842 года жестокую нервическую головную боль, и не оправясь отъ нея даже до нынѣ, не смѣетъ, по совѣту врачей, рѣшиться на эту головоломную работу, на которую впрочемъ, такъ мало предъявлено и требованій со стороны просвѣщенной публики. Но обѣщанія будутъ исполнены.

Зачѣмъ Маякъ помѣщаетъ рядомъ статьи важныя и легкія, забавныя?

Именно для того, чтобы разумные читатели на опытѣ убѣждались въ томъ, что́ теорически доказывается въ Маякѣ,– въ ничтожествѣ легкаго, хотя быто и чистаго чтенія. Тѣ высокіе помыслы, тѣ свѣтлыя, мирныя и сладостныя чувства, коими наполняется душа при чтеніи статей важныхъ,–при переходѣ тотчасъ на статьи *легкія*, производятъ въ душѣ чувство, похожее на чувство падающаго съ вершины горы въ пропасть мрачную и безжизненную; чрезъ такое сближеніе высокія статьи выигрываютъ, а легкія

сами собой вступаютъ въ свое красивое ничтожество.

Зачѣмъ Маякъ въ статьяхъ своихъ приводитъ выписки изъ старыхъ годовъ?

Для того, какъ уже было сказано, что въ Маякѣ новыя статьи суть продолженіе или поясненіе прежнихъ. Вопросъ прежде рѣшёный приводится въ выпискѣ, для рѣшенія новаго. Къ тому же, читатели, особливо легкіе, крайне забывчивы; имъ надобно чаще повторять основныя истины и выводы; глухія ссылки (которыя то же дѣлаются, гдѣ можно), не всегда пригодны, особливо для тѣхъ случаевъ, когда указываемая статья не подъ рукой читателя, или ему не досугъ, или не хочется брать трудъ для справки.

Для чего Маякъ такъ часто употребляетъ, въ *серьёзныхъ* статьяхъ, общенародныя слова и выраженія? это *портитъ языкъ*.

Для того, что Маякъ этотъ вопросъ такъ бы изложилъ: «для чего онъ употребляетъ *народныя* слова и выраженія, когда многіе привыкли къ искуственнымъ, книжнымъ, иноземнымъ словамъ?» Изученіе народнаго Русскаго языка, и общее усвоеніе онаго всѣми,-дѣло драгоцѣнное, и необходимое для усовершенствованія нашей Словесности. Пушкинъ правду говорилъ: «*разговорный языкъ простаго народа* (не читающаго иностранныхъ книгъ, и слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей и языка на французскій ладъ) *достоинъ глубочайшаго изученія*!» Маякъ согласенъ въ этомъ съ Пушкинымъ; а многіе этого слышать не хотятъ; другіе подались уже на значительныя уступки, и со временемъ убѣдятся всѣ; ибо это истина; а пока, это—вопросъ спорный, и спорный не столько для ума, сколько для уха,-то и надобно дослушать доводы Маяка, и не сердиться на него за то, что онъ, идя къ своей цѣли, на опытѣ показываетъ пользу, нужду и красоту народныхъ словъ и выраженій. Поудержите, до времени, излишнюю щекотливость вашего уха, привыкшаго къ языку искуственному; посмотрите, какой поучительный урокъ въ этомъ отношеніи представляетъ *Исторія Русской Литературы*. Тредьяковскій и Сумароковъ, точно такъ же увѣряли современниковъ, будто

Ломоносовъ *портитъ языкъ*, замѣняя иностранныя слова *мужицкими*; а между тѣмъ безпристрастное потомство согласилось съ безсмертнымъ Холмогорцемъ и, принявъ эти мужицкія слова, усвоило ихъ навсегда книжному языку, изгнало множество чужеземныхъ выраженій, и улыбается чёпорности Профессора Элоквенціи, который приведя нѣсколько стиховъ изъ простонародныхъ пѣсенъ, такъ *извинялся* передъ современниками: «Прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько *отрывченковъ* отъ нашихъ *подлыхъ*, но коренныхъ стиховъ!»

Право, какъ бы не повторилася эта же исторія и съ тѣми изъ нашихъ современниковъ, которые возстаютъ противъ попытокъ, зрѣло обдуманныхъ, – очистить Русскій языкъ, изгнаніемъ словъ, склада, и оборотовъ иностранныхъ, и замѣненіемъ оныхъ своими народными словами, оборотами и складомъ.

За чѣмъ Маякъ, посвященный *Русской Народности*, помѣщаетъ статьи Малороссійскія, не понятныя для Русскихъ?

Этихъ статей очень не много; онѣ помѣщаются сверхъ *обѣщаннаго* число листовъ; не пригодны вамъ? — такъ онѣ пригодны для вашихъ ближнихъ, для Малороссіянъ; а главное, онѣ пригодны для самаго Маяка въ дѣлѣ разработки Русскаго языка, который, безъ изученія Малороссійскаго, Польскаго, Чешскаго и другихъ одноплеменныхъ намъ языковъ, не далеко уйдетъ въ передъ.

За чѣмъ нѣкоторыя Повѣсти помѣщены безъ окончанія: *Казаки*, *Нетронь меня*, *Гибель и Спасеніе*. Это до крайности оскорбляетъ обманутое ожиданіе Читателя.

Въ пять лѣтъ, – три вещи? Такъ случилось. Я и самъ жалѣю; потерпите ихъ на правахъ *отрывковъ*, которые не рѣдко вы читаете въ другихъ Журналахъ, безъ начала и конца, и не гнѣваетесь.

Маякъ не выносимо *строгъ* въ своихъ рѣшеніяхъ, выводахъ и приговорахъ: — ни малѣйшей уступки, ни какаго снисхожденія къ человѣческой слабости.

Не Маякъ строгъ, а сама истина. Математикъ говоря о кругѣ, о прямой линіи, разумѣетъ совершенный кругъ, совершенную прямизну, и въ приговорахъ *теоріи* не властенъ допустить ни малѣйшей щербинки въ округлости, ни малѣйшаго бугорка въ прямизнѣ, не отрицая, съ тѣмъ вмѣстѣ, совершенства округлости, совершенства прямизны. Но на практикѣ, онъ первый уступаетъ, снисходитъ, зная, что нѣтъ возможности человѣку сдѣлать ни математически вѣрнаго круга, ни совершенно прямой линіи.

Такъ и Маякъ: гдѣ теорія, наука, истина, тамъ у него вся строгость и неуступчивость; но въ тоже время, гдѣ человѣческое исполненіе,—тамъ готовность на полное снисхожденіе къ человѣческой немощи и несовершенству. Но какъ его дѣло только—разыскивать истину, а не надзирать надъ людьми за исполненіемъ оной; то снисхожденію его и мѣста и повода нѣтъ, а строгость приговоровъ—необходимое условіе Науки, во всемъ.

Были еще жалобы на какую-то *рѣзкость* обличеній. Но и тутъ виноватъ не Маякъ, а *больные глаза* смотрѣвшихъ на свѣтъ раскрываемой истины.

Заключеніе.

— Довольно; пора кончить Отчетъ, хотя еще далеко не исчерпано все, что можно бы сказать въ защиту Маяка; всѣ придирки до ничтожества мѣлки: хотя малютки эти, какъ докучливые комары, стараются возмущать благоволеніе читателей къ Маяку. Но истина рано или поздно восторжествуетъ; а съ нею вмѣстѣ и дѣло Маяка рѣшится въ его пользу....

Будь я лицё постороннее Маяку, о, съ какою бы свободой, силой и убѣжденіемъ развернулъ бы я, съ одной стороны, заблужденія нынѣшняго духа времени, настроеніе умовъ большинства, исходъ и послѣдствія такого настроенія, вопіющія потребности современнаго общества; съ другой стороны, показалъ бы, какъ все это ясно и вѣрно постигнуто сотрудниками Маяка, какъ все

содержаніе его приноровлено къ современнымъ потребностямъ Русскаго общества, какъ тамъ заботливо соединяется все, что только можетъ служить къ истинной пользѣ, къ чистѣйшему удовольствію, къ высокому наслажденію читателей, какъ полно и глубоко все это выражается словами: *просвѣщеніе*, *искуство*, *образованность*, и какъ, поэтому, необходимо просвѣщеннымъ Русскимъ выслушивать и представленія Маяка, именно для того, что бы не допустить въ умахъ совершенной *монополіи* мнѣній, противоположныхъ истинѣ, а изъ двухъ — выбирать лучшее, истинное и полезное. Многое бы я высказалъ и показалъ; но... условныя приличія скромности и смиренія заставляютъ меня ограничиться тѣмъ, что доселѣ было сказано, и пожелать только одного, чтобы просвѣщенные Читатели остановились на самой простой мысли: «возможно ли, чтобы люди, по видимому не чуждые нѣкоторыхъ знаній, дарованій и ума, такъ настойчиво и безвозмездно, при самыхъ тяжкихъ, горькихъ и оскорбительныхъ преградахъ, пять лѣтъ съ ряду, постоянно стремились къ одной избранной цѣли? Въ самой вещи, эта цѣль должна быть достойна всего нашего вниманія, хотя по какимъ либо причинамъ мы и не видимъ того; эти усилія,–достойны всего нашего участія и содѣйствія, хотя бы съ перваго раза они даже и не очень порадовали насъ!»

Точно; возьмите на себя хотя малый трудъ: устранить нѣкоторыя предъубѣжденія, и склониться къ предлагаемымъ убѣжденіямъ — тогда, надѣюсь, вполнѣ оправдаете зрѣло обдуманныя дѣйствія Маяка, и найдете его вполнѣ достойнымъ вашего вниманія и поддержки.

Читайте какіе угодно журналы, легкіе, увлекательные, интересные; отдыхайте за ними послѣ трудовъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ; но сыщите нѣсколько свободныхъ часовъ въ мѣсяцъ и для бесѣды съ Маякомъ, бесѣды живительной, тихой, освѣжающей, не менѣе легкой, увлекательной и разнообразной: и когда свыкнетеся съ нимъ,—ручаюсь, вы и его бесѣду полюбите, и вмѣсто скуки, которою такъ напугали васъ, найдете въ ней истинное удовольствіе и наслажденіе. Обѣщаю вамъ это, —испытайте.

Да и въ самой вещи: послѣ внимательнаго обзора *Философской* части Отчета, безпристрастные читатели не могутъ не согласиться: что въ другихъ журналахъ, по доброй ихъ волѣ, ничего нѣтъ и подобнаго построенію Маяка, строгому порядку его работъ, способу самоповѣрки, обезпеченію себя въ истинности, богатству, изяществу и свѣту добычь его. У нихъ есть только *личный вкусъ* и *духъ* редакторовъ, не выдерживающій пробной повѣрки; потомъ, это — сборники: пять-шесть отдѣленій подъ одною оберткою, куда складывается только угодное личному вкусу и духу редакторовъ. Маякъ, по истинѣ, — зданіе, которое тщательно строится по обдуманному чертежу, и по непреложнымъ правиламъ и законамъ истиннаго зодчества ума, коимъ безусловно подчиняются духъ вкусъ издателя и сотрудниковъ Маяка.

Защитительная часть отчета показываетъ, что Маякъ не заслуживаетъ тѣхъ порицаній, какими его преслѣдуютъ. Говоря вообще, онъ — кругомъ правъ: дѣло для себя выбралъ хорошее, *исполняетъ его хорошо*, и право же достоинъ общаго уваженія и принятія, а не презрѣнія и отверженія. Такъ и разумѣютъ его всѣ тѣ, которые вчитались въ него. Обвиняютъ его большею частію тѣ, которые во все не читали его; и тѣ, которые не хотятъ или не умѣютъ понять его Задачу и Исполненіе, или забывая ихъ — хотѣли бы навязать ему свою задачу: хотѣли бы отъ него только вещей угодныхъ своему личному, не безгрѣшному вкусу, — на что Маякъ совсѣмъ не вызывался; и ни во что ставятъ вещи первостепенной важности, изящества и цѣны, которымъ онъ исключительно посвятилъ себя. Это не дѣло!

Изъ обзора *Исторической* части отчета, читатели видятъ что избравъ для себя, въ Литературѣ и Наукѣ, путь еще не проторенный, Маякъ, уже тѣмъ самымъ, добровольно предъизбралъ и долженъ былъ принять на себя всякія насмѣшки, преграды, презрѣніе, неудачи. За то послѣ него, дастъ Богъ, другіе найдутъ уже путь готовый, привѣтъ и уваженіе общее, удачу несомнѣнную; — что Маякъ дѣйствительно, по силамъ, всесторонно выполняетъ свою задачу, съ которою, волей и неволей, много или мало, согласуются и сами противники его, и,

рано или поздно, будутъ согласоваться и всѣ, способные къ истинѣ и добру; — что Маякъ ни кому изъ Журналовъ не уступаетъ въ занимательности, и всѣхъ превосходитъ разнообразіемъ своего содержанія, которое обнимаетъ все, что только можетъ подлежать знанію, вкусу и дѣятельности человѣка; — что, наконецъ, Маякъ слишкомъ далекъ отъ той *односторонности* содержанія и взгляда, въ которой напрасно обвиняютъ его. Напротивъ, говоря по истинѣ, онъ-то и есть всестороненъ, какъ порядкомъ своихъ всесторонніхъ разысканій о каждой вещи, такъ и сближеніемъ всевозможныхъ изучаемыхъ предметовъ. Если же его считаютъ односторонним по тому только, что онъ постоянно направленъ къ одной сторонѣ — къ *Добру*, и чуждается всякаго *Зла*, какъ бы оно разукрашено ни было; то такая односторонность, по истинѣ, есть полная всесторонность: ибо она принимаетъ на видъ и добро и зло, во всѣхъ ихъ подраздѣленіяхъ, сравниваетъ ихъ, и различаетъ одно отъ другаго. Напротивъ, тотъ-то и былъ бы одностороненъ, кто, или постоянно стремился бы къ одному Злу, или, что еще хуже, — какъ маятникъ качается между Добромъ и Зломъ, смѣшивая ихъ одно съ другимъ, и называя подъ часъ Добро Зломъ, и Зло — Добромъ, по неимѣнію способа и средствъ самоповѣрки. Что́ есть у другихъ — найдете и въ Маякѣ; а многаго, что есть въ Маякѣ, — и слѣдовъ нѣтъ у другихъ. Кто же односторонѣе? Однимъ словомъ, Маякъ всестороненъ — и по содержанію, и по своему всесторонному обозрѣнію изучаемыхъ вещей.

А за все-то, и про все, вѣчное благодареніе, и слава, и честь — не намъ, не намъ, а Единому Господу Богу, Міроправителю, Искупителю и Просвѣтителю нашему, Который и смиряетъ и возноситъ, и убожитъ и богатитъ, и наказуетъ и просвѣщаетъ и — всѣхъ милуетъ!

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОТЧЕТА:

	стран.
I. Философская часть отчета	3.
II. Историческая	12.
III. Защительная	26.
Заключеніе	36.

Годовое изданіе Маяка составляетъ 12 книжекъ, которыя выходятъ каждый мѣсяцъ, къ 1му числу. Цѣна — *двѣнадцать* рублей серебромъ. За доставку по домамъ и городамъ — *полтора рубля серебромъ*.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ:

На имя Издателя: Степана Онисимовича Бурачка; на В. О. по 14 линіи, въ домѣ Мальгиной, № 24, между большимъ и среднимъ проспектами.

Въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта.

Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*; на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова.

Издатель отвѣчаетъ за исправность доставки только тѣмъ лицамъ, которые благоволятъ подписаться въ означенныхъ мѣстахъ.

Г г. Иногородные, желающіе получать Маякъ, приглашаются доставлять подписку заблаговременно, не позже Декабря.